

Труды Государственного Исторического музея

Выпуск 135

ПОВОЛЖЬЕ и сопредельные территории в средние века

Ответственные редакторы
доктор исторических наук
В.Л.Егоров,
кандидат исторических наук
Ю.А.Зеленева

Москва
2002

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета ГИМ

Научный редактор
кандидат исторических наук
М.Д. Полубояринова

Поволжье и сопредельные территории в средние века // Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 135. 200 с., с ил.

Сборник составляют статьи, посвященные археологическим и историческим исследованиям средневекового Поволжья и связанных с ним территорий. Тематика каждого из публикуемых исследований в той или иной степени отражает многогранные интересы видного российского ученого, профессора кафедры археологии Исторического факультета МГУ Г.А. Федорова-Давыдова.

Издание представляет интерес для научных сотрудников, студентов и краеведов.

Более ранних или поздних монет не найдено, таким образом, монеты укладываются в хронологические рамки 30-е — начало 60-х годов XIV в.

С.А. Янина, исследовавшая монеты с Царевского городища из раскопок 1959–1962 гг., отмечала довольно большой процент нечитаемых монет из-за губительного действия почвы городища на металл. Действительно, некоторые монеты превратились в тончайшие ажурные пластинки или сохранились в виде мелких фрагментов. Часть монет имеет порошкообразную поверхность — результат постоянной коррозии. Читаемых монет 22 ед.

По местам чеканки монеты распределяются следующим образом: Сарай — 3 ед., Мохши — 1 ед., Барджин — 1 ед., Гюлистан — 10 ед., Новый Сарай — 77 ед., город (?) — 2 ед.

Абсолютное большинство монет из раскопок 1998 г. составляют медные анонимные монеты времени Джанибека, чеканенные в Сарае ал-Джедид с изображением двуглавого орла и обозначением стоимости — 16 данг (пул). Данные монеты изучены С.А. Яниной (Янина, 1954. № 49–50) и датированы 743–751 г.х. (приблизительно 1342,3–1350,1 гг.) — 55 ед.

Следующей многочисленной группой анонимных монет времени Джанибека являются более тяжелые по весу и крупные по размеру пулы Сарая ал-Джедид 752 г.х. (1351,2 г.) с изображением цветочного орнамента — 19 ед. По мнению С.А. Яниной, эти монеты сменили в денежном обращении легковесные пулы с двуглавым орлом (Янина, 1954. № 67, 72).

Среди именных монет чаще всего встречается имена Хызр (1359–1361 гг.) — 5 ед., Джанибек (1339–1357 гг.) — 2 ед., Узбек (1313–1339 гг.), Бердибек

(1357–1360 гг.), Навруз (1359–1360 гг.), Мюрид (1361–1363 гг.) — по 1 ед.

Приведенные данные позволяют констатировать, что раскопки в 1998 г. велись на объектах, относящихся к компактному отрезку времени, а именно — времени Джанибек-хана. Даже чагатаидская монета Буян Кули-хана соответствует этому периоду.

По местам нахождения иногда однотипные монеты также составляют большинство: например, среди 8 монет из ямы 8 семь экземпляров — с двуглавым орлом; в яме 12 (землянка) из 10 монет — 8 штук с изображением двуглавого орла; 1 чагатаидская монета.

Анонимные монеты с цветочным орнаментом не составляют подобного большинства ни на одном квадрате, а распределены по всему раскопу.

Таким образом, монеты, найденные во время археологических раскопок в 1998 г. на Царевском городище, местного чекана (Сарай ал-Джедид и Гюлистан) укладываются в хронологические рамки 40-е — начало 60-х годов XIV в. и принадлежат Джанибеку. Другие правители и места чекана представлены эпизодически (Узбек, Бердибек, Хызр, Мюрид, Навруз; города Сарай, Мохши, Барджин).

Наиболее редкими и интересными экземплярами являются чагатаидская монета Буян Кули-хана (1348–1358 гг.) и медный пул с цветочным орнаментом чекана Барджина. В 1959–1962 гг. монет Барджина было найдено 20 экземпляров.

Плохая сохранность монет не позволяет выявить весовые данные, более детально внешнее оформление, особенности изображений и надписей.

Детальное изучение медных монет середины XIV в. из музейных коллекций может дать богатый материал и существенно снизить количество нечитаемых монет, найденных при археологических раскопках.

Литература

Янина С.А., 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–

1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т.1 (МИА. № 42).

Е.М. Черных

ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В РАЗВИТИИ ОСНОВНЫХ ЧЕРТ ПРИКАМСКОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ РАННЕГО И ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Консервативность отдельных форм и элементов жилища общеизвестна, что и определяет рассмотрение его в ряду важнейших категорий традиционной культуры. Стереотипы домостроительства, сформировавшиеся в определенной этнической сре-

де и будучи тесно скоррелированы с географической средой и хозяйственным укладом, существуют длительное время, передаваясь из поколения в поколение. Выявление данной преемственности в развитии жилища дает право говорить о традициях в

домостроительстве и решать проблемы их возникновения, функционирования, путей и механизмов передачи. Проблему традиционности этнологи предлагают решать через рассмотрение содержательной стороны явления, которая обнаруживается «путем сравнения со стереотипом, типовой моделью» как точкой отсчета (*Будина, Шмелева, 1987. С. 16*) и его распространенностью как степенью количественного бытования элементов (*Строгальщикова, 1986. С. 85*). Реализация такой установки достигается путем моделирования типов жилища, в результате мы можем реально видеть ту неповторимую, устойчивую связь составляющих его элементов, в которой и проявляется этническое своеобразие искомого домостроительства. Прием этот облегчает картографирование жилища, позволяя точнее очертить ареалы как отдельных типов, так и элементов жилища.

Коми и удмурты, которых с полным правом можно считать автохтонами лесных областей Приуралья, безусловно, имели свою оригинальную самобытную домостроительную практику. Цель настоящего исследования – выявить конструктивные особенности древних жилищ, изученных в междуречье Камы и Вятки (прапермский этнокультурный ареал), проследить их эволюцию на протяжении двух с половиной тысячелетий, определить при этом общие тенденции в пермском домостроительстве. Хронологические границы исследования определяются рамками функционирования ананьинской КИО (культурно-исторической общности) и генетически связанных с ней средневековых прикамских культур, пермская основа которых на сегодняшний день убедительно показана в трудах уже нескольких поколений уральских археологов.

Выявление общего и особенного в эволюции жилища лесных областей Волго-Уральского региона возможно лишь при решении задач систематико-классификационного порядка. Проведенный нами анализ остатков жилищ с более чем 70 поселений лесной зоны Западного Приуралья I тысячелетия до н.э. – первой половины II тысячелетия н.э. показал многообразие их форм и конструкций. Выбранный подход позволил в конечном счете уловить типичное в «море разнообразия», установить основные связи и их направление в местном домостроительстве (*Черных, 1992. С. 20–21*). В основе стереотипа домостроительства местного населения, по крайней мере с ананьинского времени, лежала наземная бревенчатая постройка прямоугольной формы. Тенденция к «вырастанию» жилища из земли отчетливо обозначилась еще в финале эпохи бронзы (*Денисов, 1967. С. 47; Халиков, 1980. С. 15; Ашихмина, 1985. С. 17*), а на ананьинских поселениях наземное жилище становится абсолютно господствующим (*Черных, 1992*). Появление полуземлянок в эпоху средневековья в некоторых районах

Прикамья (Нижняя Кама, Сылва) можно уже рассматривать как факт включения в местную этнокультурную среду носителей иных культурных стереотипов.

Предполагаем, что приемы устройства стен и перекрытий наземных и полуземляночных жилищ в процессе упрочения новой домостроительной традиции не должны были претерпеть серьезных изменений. Раскопки поселений эпохи бронзы дают многочисленные свидетельства наличия бревенчатой обкладки стен полуземлянок. Их строители располагали достаточным набором инструментов, позволявшим возводить дома сложной конструкции. Но выведение стен на поверхность земли сопровождалось, как показывает анализ построек (*Коренюк, 1990*), использованием различных способов их конструкции. В южных районах КИО, в низовьях Камы и Вятки (Зуево-Ключевское I, Аргыжское и Буйское городища), исследованные жилища имели, как правило, четко фиксируемые прямоугольные основания, стройные пропорции (соотношение боковых и торцевых стен 1:2), что косвенным образом может служить свидетельством использования жесткой связи бревен в срубе. Мы не находим здесь ни одного факта наличия так называемого «примитивного» сруба, когда бревна в кладке крепились посредством кольев, вбитых по периметру стен. Очевидно, выбор конструктивного решения стены в пользу сруба был стимулирован более прочной оседлостью и стабильностью социальных организмов, живших южнее границы таежных и смешанных хвойно-лиственных лесов Приуралья, в непосредственной близости от этносов с давними традициями производящего хозяйства. Вынесенные на поверхность стены долговременного жилища требовали более прочной конструкции. Более быстрому распространению новации способствовало, на наш взгляд, и некоторое похолодание, фиксируемое палеоклиматологами в начале I тысячелетия до н.э.

В таежных районах Прикамья, где производящие отрасли экономики на заре железного века еще не занимали ведущего места в хозяйстве, формы жилищ были более разнообразны. На раннеананьинских поселениях Васюковское I, Заюрчимское I исследованы как полуземляночные жилища, так и наземные дома, обнаруживающие преемственность с жилищами ерзовской культуры финальной бронзы. Форма таких жилищ – круглая, квадратная, прямоугольная. Как правило, вдоль стен построек фиксируются следы столбов – основы каркасной конструкции или подпорок бревенчатых стен. Таким образом, если подъем жилища на поверхность и появление сруба в его конструкции можно рассматривать как процесс спонтанного развития традиции, за счет факторов внутренней эволюции, то распространение данной инновации определялось особенностями природной среды и социально-экономическим уровнем воспринимающих коллективов. На

рубеже новой эры, в пьяноборско-гляденовское время, можно говорить уже о значительной нивелировке внешнего вида жилища. Повсеместно утверждается прямоугольная форма построек, близки пропорции и размеры жилищ, окончательно исчезают полуземлянки. В постоянно используемых жилищах этого времени не встречена столбовая конструкция: и пьяноборские, и гляденовские племена широко использовали в домостроительстве сруб.

Развитие интерьера жилища было тесно связано с общими этнокультурными процессами в регионе. Варианты интерьера древнепермского жилища, характеризующиеся взаиморасположением очага, хозяйственной ямы, лежанок и входа, не отличались существенным разнообразием и зависели главным образом от местных условий, топографии отдельных поселений. Но генерализующим фактором в развитии внутреннего устройства жилища являлось эволюционное развитие хозяйственного уклада и социальной структуры прикамского общества. Анализ изменчивости элементов интерьера, направления этой изменчивости с использованием метода корреляции свидетельствует об их значительной консервативности, но все же определенные тенденции на столь длительном отрезке времени выявить можно (рис. 1).

Специфическим элементом местной домостроительной культуры исследователи считают тамбур при входе. Действительно, 16,4 % жилищ в анализируемой выборке, место выхода в которых устанавливается достаточно надежно, имели тамбур. Это была крытая постройка, приемы устройства которой в различных районах и в разное время имели некоторые особенности. Уже в ананьинских жилищах можно наблюдать предвходовое помещение в торцевой стене либо в виде самостоятельного пристроя, либо образованное выпуском длинных бревен сруба. Последний способ в местных условиях, по-видимому, оказался наиболее соответствующим потребностям, поскольку закрепился в строительной практике прикамского населения на длительное время. Но, очевидно, действие адаптационных механизмов было не везде одинаковым. Непрерывную линию наблюдаемая традиция дает лишь в таежной зоне, в гляденовских и ломоватовско-родановских жилищах (Бадер, Оборин, 1958. Рис. 34; Оборин, 1970. С. 9; Голдина, 1985. С. 90). Размеры средневековых тамбуров 1,5–2х1,5–3 м близки размерам сеней в традиционных жилищах коми («керкаводзь». — Белицер, 1958. С. 178), да и в эпосе коми мы встречаем упоминание специального помещения перед входом в жилую камеру. В южных районах древнепермского культурного ареала (пьяноборская общность) тамбур при входе широкого распространения не получил. Возможно, решающую роль сыграл более мягкий климат. Во всяком случае в удмуртских жилищах, по сведениям этнологов, даже в начале XX в. сени представляли собой как бы совершенно самостоятельную постройку.

Единственным устройством для обогрева жилища и приготовления пищи в древнепермском жилище был очаг. Процесс его совершенствования был детерминирован функциональной значимостью данного устройства. Отсюда понятно, что трансформациям была подвержена прежде всего конструкция очага, эволюционировавшего от обычного открытого кострища до очагов полужакрытого типа наподобие «*fournaux super arcus*» раннесредневековой Европы. Эпизодическое использование камня и глины в ананьинских очагах в последующее время получает повсеместное распространение. Глина шла на сооружение глинобитной вымостки-подушки (первоначально лишь в качестве основы очага), а камни — на утяжеление массы самого очага, необходимой для более длительного сохранения тепла. Но уже в середине I тысячелетия н.э. в общей эволюции очага намечаются различные пути. На Верхней и Средней Каме в основе эволюции очажного устройства лежала гляденовская традиция — здесь предпочтение получает глиняная подушка-основа. Уже в позднегляденовских постройках размеры ее увеличиваются, занимая всю центральную часть пола (Генинг, 1988. С. 182–184). Глинобитные очаги — типичная черта ломоватовских (Голдина, 1985. С. 89), а затем и родановских жилищ (Оборин, 1970. С. 9).

Развитие пьяноборских очагов, очевидно, шло в направлении совершенствования каменной кладки. По наблюдениям Т.И.Останиной, среди мазунинских (позднепьяноборских) очагов преобладают отопительные устройства с каменными конструкциями (44%. — Останина, 1997. С. 91–92). Каменная обкладка, возможно, была присуща и очагам вятского варианта пьяноборской культуры. Во всяком случае глиняные вымостки, редкие в ананьинских очагах вятских жилищ, на памятниках I–II тысячелетий н.э. неизвестны совсем (Буйское городище, поселение Искра). Зато на Чепце, где формирование культурных традиций происходило во взаимодействии верхнекамских ломоватовских и позднепьяноборских групп населения, трансформациям подверглись как глинобитное основание, так и каменная обкладка очага.

Большие по площади жилища раннего железного века (80–100 кв.м), как и более ранние, отапливались несколькими очагами, расположенными на одной оси с входом или чуть в стороне от нее. Таково большинство жилищ Зуево-Ключевского I, Аргыжского, Заурчимского поселений. Многоочажность отмечается и в некоторых жилищах более позднего времени (I — начало II тысячелетия н.э.), но здесь имела место скорее всего функциональная дифференциация очагов, принадлежавших единому социуму. В целом же можно говорить об очевидной тенденции устройства одного центрального очага, отчетливо проявившейся во второй половине I тысячелетия н.э. Что касается устройства хозяй-

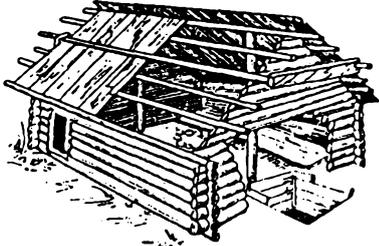
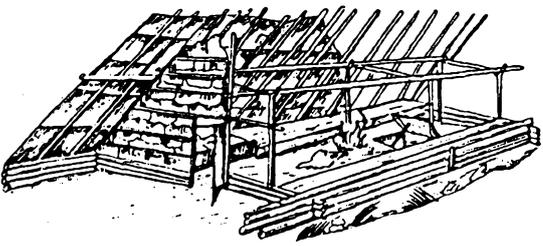
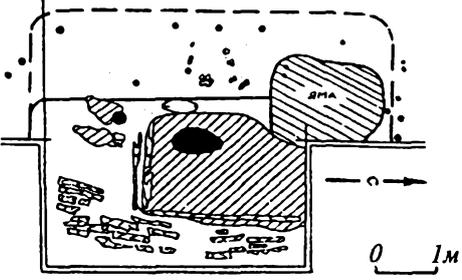
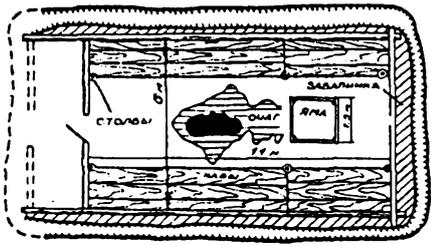
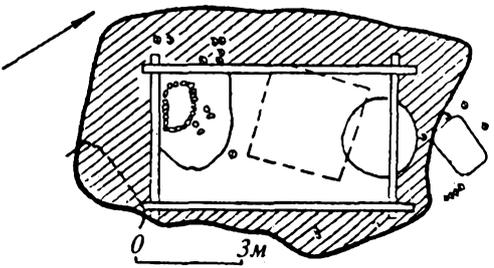
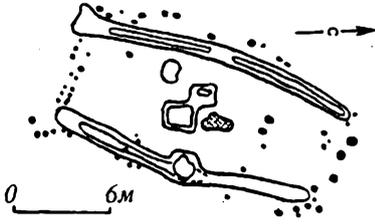
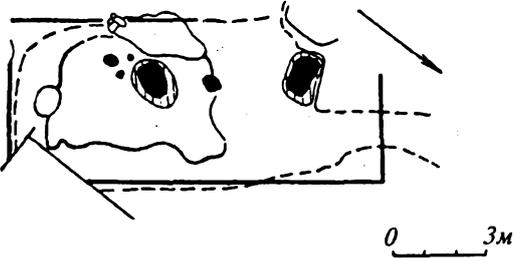
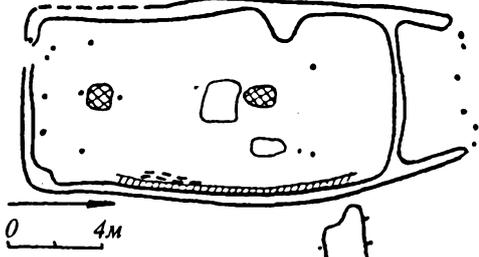
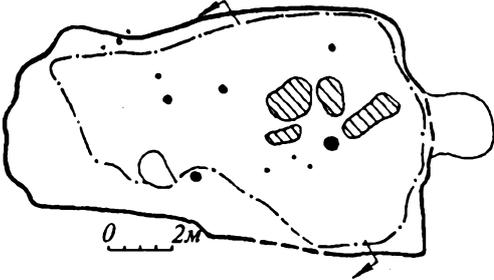
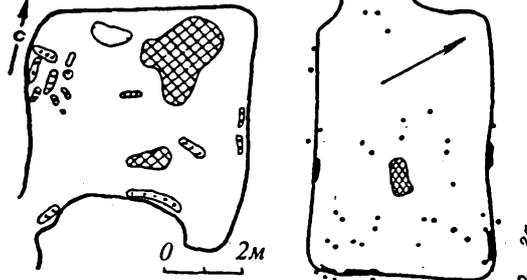
	ПРАУДУРТЫ	ПРАКОМИ
РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЛИЩА		
ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	 0 1м	
РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	 0 3м	 0 6м
ПЯНОБОРСКАЯ ЭПОХА	 0 3м	 0 4м
АНАНЬИНО	 0 2м	 0 2м

Рис. 1. Эволюция традиций домостроительства коми и удмуртов

ственных ям внутри жилого помещения, то здесь можно отметить следующее. В ананьинское время ямы-хранилища, как правило, устраивались за пределами жилищ. Обязательное включение хозяйственной ямы в жилой интерьер наблюдается в пьноборскую эпоху, около рубежа нашей эры, что, несомненно, диктовалось факторами внутреннего развития, а именно – укреплением статуса отдельной семьи внутри общины. Точно так же впоследствии те же факторы способствовали постепенному оттеснению ямы на задний план, к стене, а затем в середине II тысячелетия н.э. и вовсе выносу ее за пределы дома.

Местная линия домостроительства вообще оказалась достаточно устойчивой, она выдержала все испытания периода перекройки карты Прикамья в эпоху великого переселения народов и вновь оказалась доминирующей во второй поло-

вине I тысячелетия н.э. Во всех районах средневекового пермского мира мы обнаруживаем наземные срубные жилища прямоугольной формы с сенями-тамбуром при входе или без него, с очагом, расположенным на одной оси с ним, а иногда и ямой-кладовкой, вписанными в заданную парадигму.

Наличие такой зависимости, с одной стороны, свидетельство глубины традиции, а с другой – действие стабилизирующего фактора в данной цепи эволюции жилища. Таким образом, обозначенные нами проявления общего и особенного в формировании древнего жилища пермских народов Приуралья позволяют поставить в свою очередь ряд важных и интересных вопросов, непосредственно затрагивающих проблемы культурной преемственности, механизмов и путей передачи традиций как коллективного опыта народа.

Литература

Ашихмина Л.И., 1985. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.

Белицер В.Н., 1958. Очерки по этнографии народов коми. М.

Будина О.Р., Шмелева М.Н., 1987. Проблема преемственности бытовой культуры русского городского населения // СЭ. № 6.

Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Денисов В.П., 1967. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формирова-

нии ананьинской культуры // Уч. зап. ПГУ. Пермь, №148.

Коренюк С.Н., 1990. Жилища раннеананьинских поселений южнотаежного Прикамья // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь.

Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск, Вып. 9.

Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск.

Строгальщикова З.И., 1986. Традиционное жилище Межозерья: 1900–1960. Л.

Халиков А.Х., 1980. Приказанская культура. М.

Черных Е.М., 1992. Жилище племен Прикамья I тысячелетия до н.э. – первой половины II тысячелетия н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

В.Н. Шитов

МЕЧ С КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ ШОКШИНСКОГО МОГИЛЬНИКА*

Шокшинский могильник, расположенный на северо-западе Мордовии, на правом берегу р. Мокша, является одним из наиболее полно исследованных памятников рязанско-окских племен. За 15 лет раскопок (А.В.Циркиным в 1967–1969 гг. и автором статьи в 1983–1993, 1995 гг.) здесь было изучено 1143 погребения. Функционирование этого могильника в течение более пяти столетий (со второй половины V по начало XI в.), стратиграфические и планигра-

фические особенности (многоярусность погребений, сложная планировка), богатство и разнообразие материала выделяют его среди многих других раннесредневековых финно-угорских памятников Восточной Европы (Циркин, 1972; Шитов, 1987; Шитов, Зеленцова, Охотина, 1996; и др.).

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 00-01-00161 а/в.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	5
<i>В.В.Дворниченко, В.Л.Егоров, Л.Т.Яблонский</i> Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова	6
<i>М.Д.Полубояринова</i> Список научных трудов Г.А.Федорова-Давыдова	14
<i>И.Р.Ахмедов</i> Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время	20
<i>Н.М.Булатов</i> Антропоморфные и зооморфные сюжеты в керамике Золотой Орды	37
<i>Б.И.Вайнберг</i> Арсии из Хорезма в Хазарском каганате	49
<i>В.И.Вихляев</i> К вопросу о ранней стадии пензенских могильников	52
<i>И.В.Волков</i> Местные амфоры Азака	55
<i>В.В.Гришаков</i> Наконечники стрел Андреевского кургана в контексте проблемы формирования памятника	63
<i>В.В.Дворниченко, В.Л.Егоров, Ю.А.Зеленев</i> Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований	71
<i>В.Л.Егоров</i> Основные направления развития культуры Золотой Орды	79
<i>М.-Ш.Кдырнязов</i> Миздахкан – памятник золотоордынской эпохи	84
<i>С.А.Курочкина</i> Классификация керамики Сарай ал-Джедида	90
<i>В.А.Кучкин</i> О древнейшем списке Жития Сергия Радонежского	96
<i>Т.И.Макарова, С.А.Плетнева</i> К вопросу о растительном орнаменте в металлопластике Хазарского каганата	107
<i>Е.П.Мыськов</i> Северо-западный пригород Царевского городища	115
<i>Л.Ф.Недашковский</i> Рыболовный инвентарь из Укека и его округа	122

<i>Е.Е.Неразик</i> Некоторые сведения о раннесредневековых городах Хорезма (VII – VIII вв.)	128
<i>И.М.Петербургский, А.В.Дивлишов, Т.М.Охотина, О.В.Седышев</i> Степановский могильник	136
<i>Ю.А.Рапопорт</i> Религиозные верования хорезмийцев в доисламское время	141
<i>Рудаков В.Г.</i> К топографии города Сарая в конце XIV в.	144
<i>К.А.Руденко</i> «Татарская земля»: археологические памятники XIV – начала XV в. в Среднем Поволжье	154
<i>А.З.Сингатуллина</i> Монеты Царевского городища (Раскопки 1998 г.)	166
<i>Е.М.Черных</i> Проявление общего и особенного в развитии основных черт прикамского домостроительства в эпоху раннего и позднего железного века	167
<i>В.Н.Шитов</i> Меч с кольцевым навершием из Шокшинского могильника	171
<i>Ю.Л.Щапова</i> Математика в археологии	176
<i>А.И.Юдин, А.В.Балановский</i> Средневековый поселок на Алексеевском городище	184
Список сокращений	196